

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЧЕХОВЪ.

(1860—1910 гг.).

Сегодня исполняется пятидесяти лѣтiе со дня рожденiя Чехова.

Снова возвращаемся мы къ словамъ о Чеховѣ, но не къ воспоминанiямъ о немъ:

Память о Чеховѣ всегда съ нами; она была съ нами и не оставитъ насъ!

Долго еще, въ тоскливыхъ этапяхъ нашего жительствова, будетъ она сопровождать насъ, вливать свѣжесть въ наше воспрiятiе жизни, горѣть въ тускломъ и невѣрномъ свѣтѣ земныхъ будней чистымъ и яркимъ пламенемъ.

Чехова забыть нельзя!..

Есть писатели, память о которыхъ недолго запечатлѣвается въ обществѣ...

Которыхъ чтутъ за талантъ, любятъ за сердце.

Но ихъ талантъ—на повитомъ лаврами безсмертiя пьедесталѣ, сердцѣ—на священномъ жертвенникѣ...

Они безсмертны; но ихъ безсмертiе надъ нами!

Они велики, почти святы; но отъ ихъ величiя мы становимся маленькими, своей святостью они гнетутъ насъ, пригибаютъ къ землѣ, заставляютъ дышать ея холодомъ!

Мы не забываемъ, но всегда чувствуемъ ихъ—только надъ нами.

Они создали русскую литературу; всѣ пути ихъ въ искусствѣ, каждый шагъ въ прошломъ вѣвѣшены на точныхъ вѣсахъ, исчерпаны въ критикѣ и ужъ застыли въ неизмѣнныхъ формахъ.

Но отъ этой ясности они не стали ближе къ намъ.

Подробности ихъ привычекъ и наклонностей въ жизни, путей въ творчествѣ только отдалили ихъ отъ насъ.

Только подтвердили то, что въ жизни они были земными—иногда слишкомъ земными—но въ своемъ творчествѣ, въ томъ, что дороже всего для насъ, они всегда парили надъ нами.

Развѣ отъ того, что Некрасовъ игралъ въ карты, и Гоголь былъ плохимъ товарищемъ, Пушкинъ не избѣгалъ женщинъ, а Фетъ былъ крѣпостникомъ—они ближе къ намъ?

Развѣ ихъ человѣческими слабостями мы совлечемъ съ холодныхъ пьедесталовъ ихъ творчество къ намъ, въ толпу; развѣ ущемся близкой красотой ихъ мысли, теплотой ихъ чувства?..

Въ холодѣ они надъ нами!

Мы ихъ знаемъ и не знаемъ, мы ихъ чувствуемъ и не чувствуемъ; мы переживаемъ многое, что отдали они намъ въ своемъ творчествѣ, но эти переживанiя—отвлеченны!..

Реально-ли ихъ искусство, или ирреально, доступно-ли оно пониманiю всякаго, или оно въ удѣлѣ избранныхъ, оно прежде всего—овѣяно холодомъ недоступныхъ намъ высотъ.

Свое искусство наши писатели оставили намъ не для будней.

Что оставили намъ для будней Пушкинъ и Гоголь, Некрасовъ и Лермонтовъ?

Первый подарилъ намъ двѣ-три сказки; второй сказалъ будничное слово, но въ немъ, кромѣ негодующей иронiи, мы не обрѣли ничего.

Некрасовъ обронилъ намъ двѣ-три

пѣсни, а Лермонтовъ ревниво берегъ свое искусство для высотъ надъ нами.

Но Чеховъ...

Чеховъ—между нами! Весь среди насъ; импрессионистъ въ будняхъ, отвлеченный въ земномъ, пѣвецъ высотъ въ долину жительствова, близкiй къ намъ въ своемъ творчествѣ, всегда понятный и по земному определенный, Чеховъ не ушелъ отъ насъ.

Онъ не сохранилъ своего творчества отъ будней.

И если онъ не подвигалъ насъ почти ни разу въ высоты, онъ отдалъ искусство высотъ—буднямъ!

Сегодня мы возвращаемся къ радостнымъ словамъ о Чеховѣ, но не къ воспоминанiямъ о немъ.

И не къ посылной критикѣ его произведенiй!..

Вѣдь критика только связываетъ наши воспрiятiя съ мыслью и чувствомъ писателя, критикой мы только приближаемъ къ себѣ и уясняемъ сущность искусства.

Чеховъ не нуждается въ посредничествѣ,—хотя и любовномъ!

Чехова не выяснишь, не определишь, не приближишь:

Чеховъ—среди насъ!..

Ярило.